

За улучшение качества документальных и видовых фильмов

В Московском доме кино состоялась конференция, посвященная вопросам улучшения производства документальных и видовых фильмов.

В ней приняли участие операторы, режиссеры, редакторы и руководители работ Центральной студии документальных и Студии научно-популярных фильмов, научные работники-географы.

С докладом на тему «О задачах по улучшению производства документальных и видовых фильмов» выступил заместитель начальника Главного управления кинематографии Министерства культуры СССР Н. Семенов.

Участники пленарного собрания уделить проблеме жанра. Это острый и важный вопрос, в решении которого царит путаница.

Директор Центральной студии документальных фильмов Н. Кастилян докладывал, что документальный фильм нельзя противопоставлять видовой, ибо они представляют собой один жанр кино и различаются только тем, что документальный фильм отражает общественно-политические события, а видовой — пейзажи, виды, географию и т. д.

В последние дни участники пленарного собрания конференции, посвященной улучшению качества документальных и видовых фильмов, говорили о необходимости создания единого стандарта для документальных и видовых фильмов.

О стандарте и стандарте говорил режиссер Б. Пулюкин, выступивший на конференции с рядом интересных критических замечаний о современных произведениях документального и видового кино.

В Государственном московском музыкальном театре имени народных артистов СССР К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко состоялась премьера балета П. И. Чайковского «Лебединое озеро».

В Государственном московском музыкальном театре имени народных артистов СССР К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко состоялась премьера балета П. И. Чайковского «Лебединое озеро».

В Государственном московском музыкальном театре имени народных артистов СССР К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко состоялась премьера балета П. И. Чайковского «Лебединое озеро».

В Государственном московском музыкальном театре имени народных артистов СССР К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко состоялась премьера балета П. И. Чайковского «Лебединое озеро».

В Государственном московском музыкальном театре имени народных артистов СССР К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко состоялась премьера балета П. И. Чайковского «Лебединое озеро».

В Государственном московском музыкальном театре имени народных артистов СССР К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко состоялась премьера балета П. И. Чайковского «Лебединое озеро».

В Государственном московском музыкальном театре имени народных артистов СССР К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко состоялась премьера балета П. И. Чайковского «Лебединое озеро».

В Государственном московском музыкальном театре имени народных артистов СССР К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко состоялась премьера балета П. И. Чайковского «Лебединое озеро».

В Государственном московском музыкальном театре имени народных артистов СССР К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко состоялась премьера балета П. И. Чайковского «Лебединое озеро».

В Государственном московском музыкальном театре имени народных артистов СССР К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко состоялась премьера балета П. И. Чайковского «Лебединое озеро».

В Государственном московском музыкальном театре имени народных артистов СССР К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко состоялась премьера балета П. И. Чайковского «Лебединое озеро».

В Государственном московском музыкальном театре имени народных артистов СССР К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко состоялась премьера балета П. И. Чайковского «Лебединое озеро».

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Нет заботы о зрителях

Первое, что бросается в глаза тому, кто придет в Белоперевозский театр, это мрачное фойе, тусклое освещение, бездействующий гардероб. В зрительном зале неуютно: серый пол, такая же обивка кресел, истертые явеса. Начало спектакля часто задерживается. Сцена освещена почему-то только верхними световыми приборами, из-за этого лица исполнителей искажаются.

В антрактах зал наполняется шумом переставления декораций, стужом матов. В результате спектакль, даже если он хорош сам по себе, не оставляет должного впечатления.

Директор Белоперевозского театра Г. Черешнин объясняет все это тем, что театр ничто не полагает. Действительно так: вопрос о культуре обслуживания зрителей не раз здесь обсуждался местными организациями, по этому поводу выступала и областная печать, но положение не изменилось. Даже ремонт здания до сих пор не произведен.

Вместе с тем следует отметить, что и сами работники театра не особенно стремятся удовлетворить все запросы зрительского зрителя. Они забывают, что театр начинается с вешалки, что зритель должен чувствовать заботу о себе с того момента, когда он переступает порог театра.

Забывтый дом

Советский народ гордится богатством своей культуры, созданным героическим трудом советских людей. Золотом сокровищем в нашей стране — дома, в которых жили видные писатели, художники, мыслители. И странным кажется, что забыты и разрушаются особняки Сергея Ивановича Гусева в Малом Васильевском переулке в Москве.

А сколько воспоминаний связано с этим местом! Сидя по словам Рахманинова, «степленки» самые разнокалиберные, по своему значению несомненные люди: от начинающего ученика до крутых мастеров всей России. И все чувствовали себя тут непринужденно, все было весело, уютно, все было обаянием, все аттракционом от него какой-то бодрости, свежести, и всем, — сказал бы я, — жилось и работало после посещения «Гусевского дома» легче и лучше.

Здесь бывали Чайковский, Толстой, Гринский-Борисов, Аренин, много писателей и музыкантов. А как близка предания и своему талантливому учителю молодому консерватору!

И потому особенно обидно смотреть на разрушение исторического здания, на обвалившиеся обшивочные стены, на похищенные крыльца. Организация в нем музея-квартиры была бы прекрасным памятником крупнейшему композитору, который так много сделал для русского музыкального искусства.

Юбилей старейшего художника театра и кино

Исполнилось 75 лет жизни и свыше 50 лет плодотворной творческой деятельности лауреата Сталинской премии, народного художника РСФСР, профессора Владимира Евгеньевича Егорова, старейшего работника театра и кинематографии.

Свою театральную деятельность художник В. Егоров начал в Московском оперном театре Зимина. В течение нескольких лет, работая в этом театре, В. Егоров создал декорации и костюмы для ряда оперных спектаклей, в том числе для «Ивана Сусанина», «Саломеи», «Гаянны Огилвей», «Пиковой дамы» и других.

В 1905 году выдвинулся в театральные деятели К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко пригласили художника в коллектив Московского Художественного театра. В этом театре В. Егоров вырос в великого мастера. В течение ряда лет, работая в замечательном коллективе Московского Художественного театра, он участвовал в постановке ряда новаторских спектаклей и декораций и деловитый спектаклей. К ним следует прежде всего отнести «Драму жизни» и «Синюю птицу».

Еще в довоенный период, в 1940 году, В. Егоров начал свою работу в кинематографии, оформив ряд картин. За 38 лет работы в кино В. Егоров участвовал в постановке более ста кинофильмов. Из этого большого количества фильмов хочется отметить следующие: «Саламандра», «Ковчег», «Степняк Халтурин», «Дубровский», «Иду на войну», «Степняк Рачин», «Тринадцать», «Мы из Кронштадта», «Подвиги солдата», «Суворова», «Кутузова», «Алмазар Нахимов» и многие другие.

В 1944 году за выдающиеся заслуги в области кинематографии В. Егоров решением Президиума Верховного Совета Российской Федерации присваивается почетное звание народного художника РСФСР. В день 30-летия советской кинематографии он получил высокую правительственную награду — орден Трудового Красного Знамени. В 1946 году за участие в постановке фильма «Без вины виноваты» В. Егорову присуждается Сталинская премия.

Одновременно с работой в кино В. Егоров продолжает работать и в театре: так, в 1946 году он участвовал в постановке спектакля «Мещанин» А. М. Горького в Малом театре. Свою активную творческую деятельность в театральном и кинематографическом искусстве В. Егоров сочетает с педагогической работой в Московском высшем (б. Строгановском) художественно-промышленном училище, в училище воспитанников колледжа его имени. В 1932 году В. Егорову присвоено почетное звание профессора.

Несмотря на свои 75 лет, В. Егоров еще полон физических и творческих сил и энергии. Он продолжает работать в своем рабочем кабинете, прикладывая всю остроту, выносливость и выразительность в изображении декорационного оформления спектаклей и фильмов. Мы не сомневаемся, что талант, дарование и высокое профессиональное мастерство В. Егорова еще широко проявят себя в советской кинематографии и театре.

Заслуженный деятель искусств РСФСР, профессор.

НОВЫЕ ПЬЕСЫ В Движении вперед

Пьеса Ксения Львовой «Вихрь» (опубликована в двенадцатой книге альманаха «Голос тридцати пяти») заслуживает внимания — как новая попытка наших литераторов творчески ответить на требования партии отобразить в прозах жизнь советского общества и ее непрестанный движение вперед.

В пьесе социалистического общества, поскольку оно является живым, развивающимся обществом, что постоянно нарождается, что постоянно отмирает, возникает, что-то творится, идет, как учил диалектика, борьба противоположностей, являющаяся внутренним содержанием процесса развития.

Вопрос о противоречиях в социалистическом обществе, будучи применен в области драматургии, это, в сущности, не что иное, как вопрос о природе и характере конфликта. Само собой разумеется, что только тот драматургический конфликт будет не случайным и не искусственным, а закономерным и насыщенным, который в образной форме отражает глубокое жизненное противоречие, такое противоречие, которое, как принято говорить, берет вверх.

Пьеса Ксения Львовой «Вихрь» потому и привлекает внимание, что она «вырастает» из жизненного материала, что содержится в ней конфликт возникает и зреет на почве наших социалистических порядков и разрешается путями и средствами, свойственными только нашему социалистическому обществу.

В стечении обобщения конфликт в пьесе «Вихрь» возникает между новыми масштабами производства и старыми методами производства. В этой пьесе — это конфликт между директором Георгиевской МТС Алексеем Гавриловичем Ковалевым и рабочими и колхозниками.

Начинается с семейного разлада. Жена Ковалева Людмила, провинная в том, что она не успевает вникнуть в дела хозяйства, и в конечном итоге вынуждена уйти из дома. Ковалев, оставшись один, начинает думать о том, как вернуть жену. Он пытается вернуть ее, но она уходит из дома.

Но, признавая перемены, овеявшие собой, выдвигаемые на большие и ответственные посты, люди эти подвергаются самым различным опасностям: с одной стороны, у них может случиться голокружение от успехов, развиться заносчивость, честолюбие, высокомерие, ощущение собственной незаменимости, несомненно замечать друг друга людей, с другой стороны, урочесные своим делом, уйдя в него, как говорится, по макушку, они могут перевернуться в делег, идущих в жизни лишь сложными машин по всем их деталям, но не видящих людей с их сложными чувствами и мыслями. И если такие люди оказываются на руководящих постах, в положении единоначальников, они начинают служить речевой для разрывания всех сил и способностей окружающих их работников, для разрывания производственных возможностей предприятия.

Нечто подобное случилось с Ковалевым. По его признанию, на него оказала наибольшее влияние Устава колхоза. «И ведь на всю жизнь! Колхозники не должны бояться никаких трудностей и бояться всегда вперед, быть передовыми». И Ковалев действительно стал передовым. Тут бы ему, передовому общему работнику, двигаться вперед и заставить других вперед, а он остановился в своем рабстве, не заметив, как постепенно расширяющиеся масштабы производства постепенно потребовали других методов руководства, как необычайно выросшие люди потребовали иного подхода к ним, иной оценки их способностей и талантов, иных методов организации их усилий в общем деле. И вот теперь Ковалеву приходится распыляться на свою слезоту.

Выбрав жизненно правильный, вытекающий из коренных особенностей советского общества конфликт для своей пьесы, Ксения Львова и разрешает его в той форме, которая присуща прозе советского общества, — через посредство критики и самокритики. Причем критика и самокритика употребляется неслучайно не в качестве инвективного средства от пороков и служит не только инвективом Ковалева, но и показана как личная сила, сила, поднимавшая советского человека на высоту нового, более высокой ступени, оформляющая в нем чувство колхозника страны.

В первом акте пьесы, если помните, мы расстаемся с Ковалевым на реплике, что Устава от критики «как в сердце колотет». И вот мы встречаем его в диспетчерской (объединяющей Сорокиной): «И сейчас встретил друга. Со старшим механиком разговаривал по телефону. Разговаривал после десяти лет совместной работы. А это неслучайно. Остался». И продолжает: «Фаворитом такой развал с переделками, что только инвектив Ковалева, но и показана как личная сила, сила, поднимавшая советского человека на высоту нового, более высокой ступени, оформляющая в нем чувство колхозника страны.

В конце же пьесы встречается с директором соседней МТС Кириллом, Ковалев отвечает ему: «А мы всей Георгиевской, Иван Павлович, на переломе линии огня выжили». И саркастически добавляет: «Но вот без — меня одного в войну не привозили. Только с тобой вместе...» И еще: «Вот у тебя резервов сколько неиспользованных! Все МТС тогда будет хорошей, когда во всех колхозах будет урожай».

И мы чувствуем, что это говорит уже не тот Ковалев, которого мы знали по первым действиям пьесы, а другой, новый Ковалев, приобретший новые взгляды. И мы видим: Ковалев осознает свою ошибку и мужественно исправляет ее.

Через острый конфликт завершилось развитие этой пьесы — центрального и интересного в пьесе, завершающее естественно и закономерно, под мучным и благотворным влиянием коллектива.

И это выражено в пьесе кратко, но сильно. Диспетчер Сорокина говорит Ковалеву: «И хочу только, чтобы вы верили, — мы все любим вас, Алексей Гаврилович. Коллектив любит вас, верит вам». Ковалев отвечает ей с завязанной и покоряющей искренностью: «Вовсе с самим собой — вот что самое тяжелое. Когда совершаешь ошибку, то не считаешь ее своей ошибкой. Так? Попробуй человек сознательно ошибся по делу? Так? Потому в один день, в один час не повернулся вокруг самого себя. (После молчания). Значит... верите мне? Тогда сядь у меня за спиной».

Даже и в тот момент, когда Ковалеву казалось, что он остался один, коллектив не забывал о нем. Вот Сорокина в юридическом разговоре с Уваровой сразу вспоминает Ковалева: «Ковалев — какой-то страшный старик, но директор...» «Мне оченно нравится директор!». Вот Уварова вспоминает Мария Ивановна «с мучительным выражением» сообщает, что директор «даже гуляет теперь холостым, чего с ним раньше не случалось, и высказывает поздравление, не забывая ни о ней? Когда же заместителем директора по политическим делам Гринина станет такой знаменитый человек? «Острая нетерпимость к критике в самокритике», Мария Ивановна тут же задает вопрос: «С чем делаться?», на что Гринина вполне резонно отвечает: «С чем делаться? Говорят, что Ковалев — человек большой силой донять дело вперед».

И, действительно, избившись от порочной мелочливости директоров опеки, люди двигают дело вперед и сами выигрывают вперед, как организаторы и вожаки. Современное величие в этом отношении слезы в диспетчерской, полные и внешней и внутренней динамики, Сорокина, которая ставит «оборочку сердечную», рассказывает, как по ее характеру выстраивает систему, которой она упала, — диспетчерской, распорядительской, руководящей, распорядительской, руководящей, распорядительской. Тут шутка непреложная четкость. И почта — суровость. Суровая требовательность. Да? Система моя суровая, Алексей Гаврилович. И я вот работаю над собой. Да, а я знаю, что доблестно. Это необходимо. Суровость в смысле сбалансированности, в смысле требовательности. А как разрабатывал агроном Зверин, почувствовав свою личную ответственность за дело! Он прямо так и говорит: «Теперь у меня разрыв сердца».

Ксения Львова заметила и показала одно чрезвычайно важное следствие критики и самокритики — рост не только тех, кого критикуют, но и тех, кто критикует, — это то, к чему, как нам кажется, что есть в пьесе «Вихрь» сравнительно с другими пьесами, являющимися в себе добрыми же конфликтами.

Забываясь чтение пьесы «Вихрь», чувствуешь себя так, точно ты сам лично побывал в Георгиевской МТС, расположившейся в степях засушливого юго-востока, понаблюдав различные производственные и бытовые сцены, поговорила, правда, не коротко, со многими работниками этой МТС и колхозниками из этой же зоны, в какой-то мере узнав характер этих людей. И в чем-то это, что есть в пьесе «Вихрь», более того, — обычно. Нет в пьесе ни событий, которые представлялись бы исключительными или случайными, ни людей, проявлявших исключительные, особые, необыкновенные качества.

Высокие идейные и моральные качества свойственны в нашем обществе не избранному меньшинству, не «героям», а миллионам обычных людей. И нам представляется вполне законным и бесспорным право художника брать на этой высоте, как на высоте, нескольких простых советских людей в этой обстановке, в которой они действуют закономерно, и показать в них черты массовые и типичные одновременно.

Но в этом случае естественно требование читателя и зрителя, чтобы в пьесе, и спектакле в обобщенных людях было раскрыто нечто необыкновенное, иначе произведение представляется скучным и скучным. Совершенно ясно, что роль пьес об углублении психологической характеристики героев, о проникновении в душу изображаемых людей, которая не может быть на всю высоту безотчетливо прописана и произведена, к творческим процессам.

Как бы предвещая обобщение в том, что она написала «продуманную» пьесу, Ксения Львова умножит героев в натуре, заставит их говорить, даст им возможность подслушивать любовные объяснения и т. п. Но даже интимные отношения героев выражаются такими словами, что их без боязни и смущения можно привести на любой профессиональном собрании.

Много недостатков у пьесы «Вихрь» как у произведения драматургии. Пьеса прозаична, не имеет динамики. Кульминация основного конфликта наступает слишком рано, а развитие его чрезмерно затягивается. Репетиция не удалась образ замолота Гринина. В пьесе Гринину приписываются исключительные достоинства. Выбавляются в него Уварова даже говорит, что он работает «вдохновенно». Но тут читатель близок к стороне Гринина, отставшего Уваровой: «Слашком мы мели высоко аттестовать». В пьесе он парадит преимущественно правдивые, но весьма скучные слова (мы привели выше образчики его речи) и почти ничего не делает. Безусловно надо конкретизировать и углубить причины конфликта между директором МТС и бригадиром; зритель узнает о «завязанных» бригадиром, но о том, что конкретно в этих завязанных было сказано, уже остается загадкой. И это плохо. Язык некоторых персонажей выхватывает выразительности, яркости.

Повторим, недостаток в пьесе «Вихрь» много. Но было бы жаль, если бы эти недостатки отпустили театры от пьесы, глубокой по замыслу, наполненной настоящей правдой жизни откровенной простотой наблюдательностью художника и уже в настоящее время своим обаянием в деле сию проблему художественных достижений. Нам кажется, что перед нами работа драматурга и театра на современном уровне пьесы и постановки, которая будет поучительным уроком высокого морального мужества для тех, у кого сегодня, как у Ковалева, «как в сердце колотет» от критики и самокритики.

Вас. РУСАКОВ.

На снимке: сцена из третьего акта балета. Оделили — В. Богт, Принц — А. Чичинадзе. Фото А. Галкина.

ПЕСНИ СЧАСТЬЯ И ПЕСНИ ГОРЯ

ВПЕРЕД, НА НОВЫЕ ПРОСТОРЫ,
ГОРДЯСЬ СВОБОДНОЮ СТРАНОЙ,
ИДУТ СОВЕТСКИЕ ШАХТЕРЫ
ЗА МУДРОЙ ПАРТИЕЙ РОДНОЙ.

Из песен советских шахтеров.

ОТЕЦ МОЙ ТОЖЕ БЫЛ ШАХТЕР,
ВРОДИЛ ПО ГОРОДАМ
ЛИШЬ ГОРЬКИЙ ТРУД И НИЦЕТА
В УДЕЛ ДОСТАЛИСЬ НАМ

Из песен английских шахтеров.

ЗЕМЛЯ ДОНЕЧЧИНЫ МОЕЙ

Музыка Г. Хархатдинова.

Слова Гр. Бойко.

Торжественно
Одним

Зем. ля До неч. чини мо. е. і в ба. рю. нях кш. тах пра. по.
- рів. і на зем. лі і під зем. ле. ю лу. на. є пі. сня шах. та.
- рів. і на зем. лі і під зем. ле. ю лу. на. є пі. сня шах. та. рів.

Земля Донеччины моей
В багряных цветах прародив,
І на землі і під землею
Лунає пісня шахтарів.

Вугляля лине без упину,
В заболх сонце нам горить,
Гудуть новітні машини,
Яких не знав ніколи світ.
І скрізь від краю і до краю
В нас кріпне сила молодая,
Пісні про Сталіна співає
Шахтарська гвардія
труда.

А перед нами світлі дали—
Працюємо, творимо, ростем.
Спасибі вам, товариші
Сталін,
За щастя бути шахтарем!

ДОНБАСС

Шахтеры

Их мир был пасмурен и тесен,
В нужде брели из года в год.
Десятки самых горьких песен
О них сложили и пел народ.

И уголь тот, что добывали,
Совсем тепла им не давал:
Он освещал чужие дали,
Чужую радость согревал.

Когда они домой шагали
Согбенной черною толпой,
Детей шахтерами пугали
И называли шутке — тюрмой.

Но вот слыхли в одном созвучьи
«Авроры» залп и штурма гул,
И наш Ильич рукой молучей
России к солнцу повернул.

Во имя новой, светлой жизни
Сквозь все преграды, напрямик,
Повел народы к коммунизму
Его великий ученик.

И Кремль, в знак общего признанья,
Заслуги оценил сполна,
Им дарит доблестные званья,
Мундиры, праздник, ордена.

Вперед, на новые просторы,
Гордясь свободною страной,
Идут советские шахтеры
За мудрой Партией родной.

МОСБАСС

С. ПОЗДНЯКОВ

ЧАСТУШКИ

Над высокими копрами
Утром солнышко встает,
О делах наших шахтерских
Далеко молва идет.
Под землей гудят моторы,
Светит в лампах огонек,
По-стахановски шахтеры
Добывают уголек.
На полянке возле Дона
Вербя белая шведка,
Сотни тонн угля сверх плана
Шахта к празднику дала.
Оттого, что слово с делом
Не расходится у нас,
Год от года богатеет
И цветет родной Мосбасс.

Хорошо у нас в Задонье!
Все сады стоят в цвету,
Эшелон с углем сегодня
Отправляем мы в Москву.
Мимо леса, мимо речки,
Мимо солнечных лугов
Машинист везет подарок
От задонских горняков.
Паровоз летит, как птица,
Обгоняя ветерок,
Принимай, наша столица,
Подмосковный уголек!

В. ШЕВТАНОВА

МОСБАСС

Шахтерская молодежная

Весенний рассвет над Мосбассом встает,
Сверкает огнями простор,
Знакомой дорогой, чуть зорька блеснет,
Идет подмосковный шахтер.

Шагает он, солнечным утром согрет,
Поет молодая душа:
О том, как спокоен наш мирный рассвет,
Как юность у нас хороша.

Велет он комбайн, сокрушая пласты.
Шахтерская поступь крепка.
Сбиваются юности нашей мечты,
Да славится труд горняка!

Ему дорога комсомольская честь
И дорог шахтерский мундир,
Друзей и товарищей верных не счесть,
Что борются вместе за мир.

Бывалый горняк, на него поглядят,
Засветится гордостью взор:
— Горячее сердце у парня в груди,
Он наш подмосковный шахтер!

МОСБАСС

П. ПОДДУБНЫЙ

НА-ГОРА

Врезался в пласт, врубаясь в уголь черный,
Машина продвигается вперед.
А машинист, веселый и задорный,
Вдоль лавы ловко врубовку ведет.

И лентой бесконечно упругой
Бежит неутомимый транспортер,
Электровазы поджидают уголь,
Твой труд машины облегчат, шахтер!

Гудит земля, В забоях не впервые
Горячая шахтерская пара:
Дают стране шахтеры молодые
Донецкий славный уголь на-гора!

РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Е. СИНЬКО

Англия с давних пор славится народными песнями.

Существуют различные жанры крестьянской песни, наряду с которой в Англии развиваются своеобразные традиции фабрично-заводского, солдатовского и матросского песенного творчества. Особое место в английском фольклоре занимают шахтерские песни, с которыми знакомит нас недавно вышедший в Лондоне сборник, составленный А. Л. Ллойдом¹.

В этот сборник включено 67 песен. Как сообщает составитель в предисловии, эти песни были отобраны из числа более чем ста песен, представленных на конкурс, организованный самим А. Л. Ллойдом по поручению редакций журналов «Coal» («Уголь») и «Шахтерского обозрения».

А. Л. Ллойд отмечает, что «не все представленные песни являются тем, что мы называем народными песнями». Оговорка эта объясняется тем, что, во-первых, известны имена некоторых шахтеров, которые сочинили ту или иную песню (таким, например, проработавший всю свою жизнь в таффилдских угольных копях Томас Армстронг), а во-вторых, тем, что многие из этих песен поются на уже известные мелодии других песен, иногда профессионального происхождения.

Но все опубликованные в сборнике песни поныне входят в быт английских шахтеров и были именно ими сообщены составителю сборника. И глубоко прав А. Л. Ллойд, когда во вступительной статье пишет об этих песнях, что «многие из них были созданы не для того, чтобы украсить жизнь, а для того, чтобы сделать ее выносимой (bearable)».

В песнях английских шахтеров ярко рисуются картины постоянной невыносимых бедствий, выпавших на их долю, картины изнурительного труда, нищенской жизни и ежеминутной угрозы увечья или смерти, постигающей шахтера из-за злощастности владельца шахты, который отказывается тратить деньги на технику безопасности.

Как много поэтического обаяния в этих песнях! Как рельефно обрисованы здесь мужественность и стойкость простых людей! «Сюда, все храбрые шахтеры» — так начинается одна из этих песен, первую строчку которой А. Л. Ллойд взял в качестве заглавия сборника. И впрямь — немалая храбрость нужна, чтобы каждый день, каждый час, каждый миг подвергать себя опасности, — того и жми обвала или затопления шахты, вырыва газа, обрыва ненадежного троса и падения башки.

Об этих опасностях поется в прекрасных балладах «Шахтерская жизнь» и «Сильный шахтер». Но если даже шахтер

¹ Come all ye bold miners. Ballads and songs of the Coalfields. Compiled by A. L. Lloyd. London, Lawrence and Wishart Ltd. 1952.

выходит победителем из многолетней борьбы со смертью в угольном забое, если он не гибнет в процессе этой борьбы, то в конце жизни он остается без всяких средств к существованию: минималам не нужны старости, и печальная участь которых поется в песне «На берегах Ди».

И есть песни, в которых поется о нищенской жизни шахтера, о жестокой, бесчеловечной эксплуатации его труда. Такова, например, страшная в своей простоте песня «Четыре пенса», повествующая о «железных рабах» (little slaves), о детях и подростках, работающих в шахтах с утра до ночи за те жалкие гроши, которые платит хозяин: ведь четыре пенса — это несколько копеек!

В песнях английских шахтеров пробиваются и светлые лучи. Это чувства любви и дружбы, благородные, человеческие чувства, свойственные этим простым людям в отличие от тех, кто называет состояние на их повстанье ваторжной труде. Именно таким рисуется труд английского шахтера в опубликованных Ллойдом песнях, которые порождены жизнью, не дающей возможности создания характерных для советских шахтерских песен образов свободного созидательного труда и счастливой жизни.

«Спасибо, вам, товарищи Сталин, за счастье быть шахтером», — поется в украинской песне, сложенной в Донбассе. А в Московском угольном бассейне родилась песня «Шахтеры», в которой тяжелое прошлое русских шахтеров противопоставляется их разностороннему настоящему, тому всестороннему признанию, которое получили в нашей стране шахтерский труд.

Ростовский шахтер Е. Синько воспевает этот труд, сложив песню о молодых шахтерах, управляющих сложными механизмами, которые прочно вошли в обиход советской угольной промышленности. Герой «Шахтерской молодежи», созданный П. Поддубным, — подмосковный шахтер, уверенной рукой ведущий угольный комбайн.

И в других советских шахтерских песнях, созданных в различных угольных районах страны, ярко запечатлена счастливая жизнь нашего народа, в условиях которой создаются предпосылки для ликвидации существующих различий между физическим и умственным трудом, и славится труд, освобожденный от оков эксплуатации, ставший делом чести и славы.

В конце своей вступительной статьи в сборнике английских шахтерских песен А. Л. Ллойд высказывает надежду, что со временем будут созданы другие песни, «песни-будущего», по настроению своему отличающиеся от тех песен, с которыми знакомится читатель сборника.

Советские шахтеры поют именно эти жизнеутверждающие «песни будущего», которое давно уже стало для всех советских людей счастливой действительностью.

На берегах Ди

The Banks of the Dee

Last Sat. ur. day night on the banks of the Dee, I

met an old man, in dis-tress I could see. We sat down to geth.er and to

me he did say: I've lost my em.ployment cause my hair it's turned grey.

Раз вечером шел я по берегу Ди,
Старик одинокий шалал вперед.
Присел я рядом, и молвил мне так:
— Вот поют с работы за то, что я шел.

Когда я был молод, старался, как мог,
Не хуже других выполнял свой урок,
Считалось, что парня ловчей меня нет,
И вот прогоняют за то, что я шел.

Вам всем это, парни, хороший урок:
На шахту попал, вы сбиваетесь с ног,
И в полутьме вы пилим, и гора вам лет...
Но плохо тому, кто становится шел.

Я старый шахтер, порубал на веку,
А нынче бы с радостью пропал кирку!
Я много еще поработал бы лет,
Но гонят с работы за то, что я шел!

На днях захожу за получкой своей,
Вручили конверт мне, стою у двери
И слышу — конторщик смеется мне
вслеп:
— Ты, братец, уволен за то, что ты шел.

Я старый шахтер, порубал на веку,
А нынче бы с радостью пропал кирку!
Я много еще поработал бы лет,
Но вот прогоняют за то, что я шел!

Четыре пенса

В батейках жлет уже руля,
пора идти в забой...
Есть сон для тех, кто может спать,
а труд — для нас с тобой.

Нам мить руху давно пора,
редеет ночи тень —
нам надо век работать
за четыре пенса в день.

длет мне тот пнижя, что мне
пелозю не снимати!

Вставай живее, паренек,
отбрось покой и лень —
владим мы цепи рабства
за четыре пенса в день.

Отец мой тоже был шахтер,
бродил по городам,
лишь горький труд и нищета
в удел достались нам.

П е болью в сердце менчет мне:
— Назвни, сынок, назвни!
Пришлось тебе работать
за четыре пенса в день!

Встаем мы ровно в пять утра,
встаем с зарею, друг,
и сотни маленьких рабов
уже стучат — тут-тук!

Бежали в школу дети
из окрестных деревень,
а и пошел в шахтеры
за четыре пенса в день.

Четыре пенса в день, дружок,
и очен тажкий труд.
Все время на холанья
шахтеры спяны гуут.

В слезах, заботах по утрам
встает с постели мать.

Но коль смичается праа его,
что тверже, чем кремень,
тогда он лет, пожалуй, вам,
хоть лезть пенсов в день!

Четыре пенса в день, дружок,
и очен тажкий труд.
Все время на холанья
шахтеры спяны гуут.

ШАХТЕРСКАЯ ЖИЗНЬ

Ко мне, джентльмены! Начну вам сейчас
о жизни шахтеров правдивый рассказ.
По тяжести труд их в забое глухом
сравнить можно только с матросским трудом!
Не знает шахтер, под землей стуча,
ни свежего ветра, ни солнца луча.
В труде каждый перу у него напряжен,
до пося он, как борец, обижан.
Но как без шахтера, позвольте спросить,
могли бы мы стрелять и чай кипятить?
Но доблестный, смелый и честный шахтер
нам уголь доставит из недр на простор.

Спуска в шахту опасен, опасен подъем:
убьешься, нль будешь горбат или хром.
Но хуже всего, если хлынет вода:
смерть глянет в лицо — не спасешься тогда
И камни варут плазуют с кровью сырой,
и может обвала завалит коридор.
Но голову держнт высоко шахтер!
И вот чем закончу я песню свою
(простите, коль я слышном даго пою):
Пусть слава гренит о шахтерском труде —
подобных людей не найдется нигде.

длет мне тот пнижя, что мне
пелозю не снимати!

Смелый шахтер

О смелом шахтере мы песню споем,
что трудится тяжело в забое своем.
Он уголь рубает в подземной ночи,
когда до полуки хранят богачи.
С шахтерскою лампой влезает он в
каплет,
Чтоб в аму глубокую камнем лететь.

и должен проверить внизу каждый раз,
не лезет ли вода, не сочится ли газ.
Потом он с земли поднимает балло
и с ней опускается в штольню свою.
А уголь коварен — за каторжный пот

едва он на хлеб заработать длет!
А уголь встречается твердый такой,
что трудно шахтеру работать киркой.
В Австралию едет он. Годы летит,
но он не вернется, ребята, назад.

Перевод с английского С. ВОЛОТНИНА и Т. СИКОРСКОЙ.

ДОНЕЦКИЕ ГОРЫ

Музыка и слова П. Дмитриева-Кабанова.

Широко

Ой вы го. ры, го. ры-тер.рик.онь, го. ры вы до. неч. ки. е.
Вас на. сь на. сь паша. миши шах. та. ри ии глубин зем. ли, зем. ли- ма. туш. ки.

Ой вы, горы, горы-терриконы,
Горы вы донецкие.
Вас насыпали наши шахтеры
Из глубин земли,
Земли-матушки.

Горы, темной ночью.
На вас видны вспышки
огневые,
Да как звездочки
Разноцветные.

Снизу глянень на
вершины ваши —
Эх, да шапка валится,
А взойдешь на вас,
окнешь взором —
Залобуешься.
Не смотришься.

Мы лесами вас оденем, горы,
Да в сады зеленые
Расцветай, сторонюшка
родная,
Наша славная
Да шахтерская!

Видно все кругом, как на
ладони:
Парки, села, города.
Это счастье мирного народа.
Эх, да нашего,
Да споконного.
Вы стоите, словно
великаны,

Ой вы, горы, горы-
терриконы,
Горы вы донецкие.
Вас насыпали наши
шахтеры
Из глубин земли,
Земли-матушки.

ДОНБАСС

Задонский паренек

«Эх, цветы, шахтерская сторона,
Славься, подмосковный уголек...»

Эту песню часто в нашем клубе
Пел один задонский паренек.
Уж такой парнишко голосистый,
Волновал всех песней своей,
И не зря девчата из поселка
Паренка прозвали: «Соловей».

В шахте он работал машинистом
И в горняцком хоре выступал.
Мы в Москву соловоику учиться
Провожать ходили на вокзал.
А потом почти что каждый летом
Паренек к нам в гости приезжал.
Днем с друзьями весело работал
И до зорьки песни распевал.

Вот однажды праздничными днями,
Получив письмо от паренка,
Мы в столицу тронулись все вместе
Своего послушать земляка.
Про родные солнечные дали,
Про Мосбасс, про жаркий уголек
Пел в Москве, в большом концертном зале,
Наш земляк — задонский паренек.

МОСБАСС

В. ШЕВТАНОВА

НЕ УЗНАЕШЬ СТАРОЙ ШАХТЫ

Слова народные

По-донецки мы сыграем,
По-шахтерски мы споём,
О своем родном крае,
О жите-бытье своем.

День и ночь шумят
моторы,
В шахте врубовка поет.
Любят Сталина шахтеры,
Славят Сталина народ.

Не узнаешь старой шахты,
Стало в ней совсем светло
И отделил красиво,
Как московское метро.

Всем заморским заправилам
Нас ничем не запугать!
Мы за мир! И с новой силой
Будем уголь добывать!

Расцветает край донецкий,
Словно майским утром сад,
На земле и под землей
Ильича огни горят.

По-донецки мы играем,
По-шахтерски мы поём,
О своем родном крае,
О жите-бытье своем.
ДОНБАСС

Шахтерская

Разломился байн —
Занграл веселей,
Льются звуки на улице звонко,
Так споемте, друзья,
Про сиянье огня

Над любимой шахтерской стороной,
Много дальних дорог мы с байном прошли
До победного мирного часа,
Чтобы снова огни золотые зажглись

Над копрами родного Мосбасса,
Чтоб над миром все шире вставала зоря,
Чтобы дни наши счастьем светились,
Мы солдатские каски

Недаром, друзья,
На шахтерские каски сменили.

г. СКОПИН

Д. СУСОВ

УГОЛЕК

Уголек, уголек,
Солнышко второе,
Глубоко ты залег,
Уголь, под землей.

Тебя Ленин назвал
Хлебом индустрии,
Своим честным трудом
Радуя Отчизну.

Без тебя, дорогой,
Что без первой любви,
А с тобой — свет дружок:
И ездай и пльви!

Мы, шахтеры, идем
К солнцу, к коммунизму.
Это Сталин помог
Нашу жизнь устроить.

Как забить о тебе
Нашему народу!
Нашему народу!
Как ты нужен везде
Каждому заводу!

Уголек,
Уголек,
Солнышко второе!

ДОНБАСС

А. ТИМЧЕНКО

Главный редактор С. Б. СУТОЦНИЙ.

Редакционная коллегия: В. С. ВАСИЛЕВСКИЙ (зам. главного редактора), В. Н. ВЛАСОВ, Н. Н. ЖУКОВ, А. А. ИНОНИКОВ, В. Я. РУСАКОВ, М. Н. СМЕРНОВА, Н. И. ТРАПЕЗНИКОВ.